

М.А. Бологова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Мотив (не) состоявшейся коммуникации
в сюжетной структуре романа Е. Айпина
«Божья Матерь в кровавых снегах»**

Аннотация: В статье анализируется кумулятивный принцип сюжетостроения в романе хантыйского писателя Е. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах»; нанизывание мотива говорения на разных языках в ситуации встречи и общения, имеющего результатом понимание / непонимание друг друга.

The article analyzes the cumulative principle of plot in the novel Khanty writer E. Aipin «Mother of God in Blood-Red Snows», stringing together the motive of speaking in different languages in a situation of meeting and dialogue, which has the result of understanding / misunderstanding each other.

Ключевые слова: кумулятивный сюжет, хантыйская литература, Айпин Е., мотив.

Cumulative plot, Khanty literature, Aipin E., motif.

УДК: 821.511.142

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор литературоведения. Тел. (383) 3304772. E-mail: m-b30@yandex.ru.

Роман Е. Айпина (р. 1948) «Божья Матерь в кровавых снегах» писался в 1996 – 1999 гг., был впервые опубликован в Екатеринбурге в 2002 году и с тех пор переиздавался еще два раза: в 2006 г., а затем в 2010 в петербургском издательстве «Амфора» в серии «Будущие нобелевские лауреаты». Роман переведен на английский, венгерский, французский, эстонский языки, по его мотивам снят фильм О. Фесенко «Лед. Сага о хантах» (2010). За прошедшее десятилетие роман вызвал множество критических откликов, как положительных, восторженных, так и разгромных, написанных в уничижительно-презрительной манере. В настоящее время произведение активно исследуется литературоведами [Лагунова, 2006; Куренкова, 2009; Косинцева, 2010; Косинцева, Куликова, 2010; Куликова, Артамонова, 2010; Артамонова, Куликова, 2010 и др.].

Не углубляясь в обзор полемики, возникшей вокруг романа, отметим, что хотя роман написан на русском языке, он относится все же не к современной русской, а к хантыйской литературе, которая является младописьменной (новописьменной), как ряд других литератур малочисленных народов Севера. Отсюда возникает и противоположность оценок, абсолютное неслышание разными читательскими аудиториями романа друг друга. От произведения, созданного в рамках литературы, находящейся в начале своего исторического развития, еще чрезвычайно близкой традиционной культуре и архаическому типу мышления (чем и обусловлен к ней интерес ученых, зарубежных читателей, всех, кто ценит уникальные исчезающие культуры, многовековой уклад, утраченный техногенной цивилизацией и т.п.), нельзя ожидать тех же изысков, что от модных новинок современной русской прозы. Думается также, что генезис такого произведения нельзя возводить только к литературе соцреализма (а как писатель Айпин начал

формироваться, действительно, еще в рамках советской литературы), но нужно исследовать его в контексте других молодых литератур, обращая внимание на параллелизм процессов.

В данной статье мы затронем вопрос собственно художественной структуры романа – принципов его сюжетостроения. Одна из структур, создающих сюжетное единство и целостность здесь – принцип кумуляции, повтора одного и того же мотива в разных образных формах на протяжении всего романа. Как показывают классические (С.Н. Бройтман, В.Я. Пропп, В.Н. Топоров, О.М. Фрейденберг и др.) и современные исследования (М.М. Каспина, В.В. Федоров), кумулятивный сюжет – самый архаичный. И выражает он прежде всего наиболее древний тип мышления. «...Нанизывание есть не только художественный прием, но и форма мышления вообще...» [Пропп, 1998, с. 259].

Пролог и эпилог поясняют историческую ситуацию, в которую вписан роман: с чего началось, чем кончилось, что осталось неизменным. Они задают основную оппозицию менталитетов с точки зрения автора: ханты не могут жить в неволе, красные не могут позволить кому-то жить на воле / по своей воле. Кумулятивная цепочка здесь – подвиги неуловимого Сени Малого, народного героя. Она не «замедляет действие», как в классической прозе. Напротив, в ней основное смысловое ядро – столкновение «жажды воли» и власти продолжается бесконечно, пусть в народной памяти и легендах.

В первой главе говорят на разных языках и не понимают друг друга красный комиссар и хантыйка, Мать Детей. Автор ведет повествование последовательно, то с точки зрения одного, то с точки зрения другого героя. Читатель может видеть, что если хантыйка надеется на общность языка, и ей в голову не приходит, что ее языка просто не существует для другого («Она поклялась всемогущим и всевидящим огнем, а пришелец не поверил. Значит, настал ее, Матери Детей, черед. На этой войне у остяков существовал свой порядок вступления в бой» [Айпин]¹), то «главарь», он же «командир», занят только размышлениями о собственных проблемах с трудностями подавления восстания в тяжелых погодных и бытовых условиях. Проблема языка встает перед ним не раз: например, его переводчик не понимает других диалектов, но поскольку остяков все равно убивают, это не важно. Командир не задумывается о необходимости знать язык: он отдает приказы. Третьим героем ситуации мог бы быть перебежчик, предатель, который может зайти в тыл и подстрелить своего же остяка в спину. Мотивы его действий непонятны командиру, он не входит в кругозор Матери Детей. Но он не субъект общения, несмотря на владение обоими языками и проявленную хитрость. Он исполняет приказы и является лишь орудием убийства. Результатом общения на разных языках стало то, что на этот раз Мать Детей оставили в живых – командир не предполагал, что она будет воевать дальше и вообще сможет выжить.

Во второй и третьей главах показано, как предельно семиотизирован мир остяков. Расположение предмета, его целостность или ущербность несут в себе конкретную информацию. Мать Детей выполняет все положенные обряды и ритуалы для сохранения порядка в мире, космоса, а не хаоса. Для этого она оставляет разнообразные знаки, которые будут понятны богам и другим хантам. Мать и ее дети прекрасно понимают друг друга, в том числе и без слов. Содержание этих глав – перевод читателю языка обряда и мифа. Коммуникация – хантов внутри своего мира.

Герой четвертой главы – «глава красного войска Чухновский, плосколицый здоровяк из уральских пролетариев». Содержание его мыслей – деятели русской истории, связанные с тем местом, где он оказался – князь Меншиков и Троцкий, сведения о восстании, которое он приехал подавлять. Ситуация его коммуника-

¹ Далее все цитаты по этому изданию.

ции – с «белотелой рыжей девицей с насмешливыми зелеными глазами», фельдшерницей «из красных». Общий язык находится, и Маша зачислена в отряд.

Коммуникация пятой главы – трагическая: попытка договориться человека с убивающей машиной – детей и женщины с аэропланом, сбрасывающим бомбы. Мать детей показывает, что они беззащитны и не могут причинить вреда. Летчик видит это, но руководствуется приказом не выпускать людей из этого района, чтобы не было свидетельств зверств красных, о чем не может знать Мать. «Но Матерь Детей не теряла надежды. Красная машина посмотрит на них, убедится, что это женщина и дети, и оставит их в покое. И, успокаивая своих птенцов, наполняя пустоту голосом, все повторяла-говорила: “Мы еще маленькие. Нам еще нужно пожить. Красная машина нас не тронет...”». Результат общения – смерть старшей дочери от раны.

В шестой главе попытка насильственной коммуникации со стороны русских кончается смертью молодого ханта и пленением его жены. Молодожены (дочь Матери Детей и ее муж) ехали навестить родителей. Красные, с одной стороны, пытаются их остановить, с другой – не настроены разговаривать: убивают, еще не получив нужных сведений, «перестарался: раньше времени забили парня листовничными дубинками». Диалог с пленницей также не получается: спиртом ее не подкупить, она пытается убить захватчика (но нож ломается о пряжку).

В седьмой и восьмой главах разрядка напряжения, заход в прошлое, где даны три вида удачного общения: с Белым (беглым царским офицером) через его лечение и обучение языку и традициям (оно двустороннее – он учит детей писать, дети учат его говорить), мужа и жены друг с другом, когда один заканчивает фразы другого, поскольку они представляют собой одно целое, и двух вер – христианской и языческой: христианские боги охраняют хантов в домашнем пространстве, языческие – в лесу (боги «договорились», не конфликтуют в сознании).

В девятой главе попытка коммуникации дана внутри размышлений Белого о судьбе России: русские начали воевать между собой – гражданская война это и есть неспособность к диалогу; отсутствие диалога дворян и крестьян (отсутствие заботы хозяев о развитии крестьян) привело к тому, что последние уничтожили книги и картины, не понимая их ценности, но желая жить также хорошо, как хозяева. В десятой главы общения синтезируются (человека с человеком, человека с Богом, русского с хантами, хантов с русским), чтобы создать новое сакральное пространство – часовню с иконами, где в ликах убиенной царской семьи проступают лица Матери, ее мужа и детей.

Одиннадцатая глава возвращает к событиям шестой. Мать детей натывается на брошенный труп зятя, но не знает, что это он. Интуиция говорит ей, что это могла быть ее семья, но она «успокаивает» себя рассуждением в рамках логики мира, которому принадлежит ее сознание: «А та не дала бы вот так погибнуть мужу на голом снегу, сама бы приняла смерть рядом с ним». В этой главе начинается входить мотив коммуникации с животным, которая несравненно более успешна, чем с людьми, «общающимися» на языке листовничных дубинок (это язык – послание с семантикой утрашения живым): «Вороны – вещи птицы, что-то хотят сказать, куда-то ведут, – подумала женщина. – Только к хорошему или плохому?». Мотив будет усиливаться к финалу, где женщина доверит своего грудного ребенка старой собаке, а потом дождет пса как собственного спасителя. (Имя Матери – Вера, она верит – знакам, богам, живым существам.) Зоосемиотика не является для нее вопросом – язык животных, их знаки ей абсолютно внятны, она учит им детей.

Двенадцатая и тринадцатая главы снова представляет собой заход в прошлое (7 – 10 главы), где ханты пытаются передать Белому свою мудрость о круговороте времен и о том, что жизнь человека представляет собой ценность, она священна, о символике цвета. Это коммуникация в виде наставления. Четырнадцатая глава – наставление истории угров, трансляция легенд о богатырях – передача памяти.

Пятнадцатая – обсуждение путей ухода Белого в Европу в форме диалога на равных, прощание. Здесь также возникают имена Меншикова и Троцкого, как в свое время в голове Чухновского (четвертая глава), но в совершенно ином контексте помощи остяков и вогулов русским. В этих главах вступает в силу закон параллелизма: индивидуальная история исхода из России параллельна историческому разделению угров.

Шестнадцатая глава – неудача коммуникации со своим народом. Все люди селения, до которого добралась мать, уже мертвы (убиты). Но автокоммуникация Матери имеет результатом понимание сути красных, логики их действий, исчезновению страха. Внутренний монолог (в форме несобственно-прямой речи, через авторское опосредование) ведет к возрастанию смысла, открытию истины. Разговор внутри себя – это одновременно диалог со сем миром, открытым Матери в форме читаемых знаков.

Семнадцатая глава повторяет сюжетную ситуацию главы пятой (Айпин использует числа 24 – общее количество глав и 12, половина от 24, «расстояние» между главами, события которых образуют кольцо). Здесь снова встреча с аэропланом-бомбометателем, но на сей раз это битва, поединок. И хотя матери удаётся подбить железную птицу, погибает ее сын, а немного позже от инфекции в ране младшая дочь, остается только младенец. Мать поставлена в ситуацию вопросов без ответа, подобно античным героям осознавая бессмысленный трагизм человеческой судьбы: «Почему огненный камень красных мое тело не заберет?! Почему огненный камень красных мою душу не заберет?!». Ни в какой ситуации она не перестает исполнять ритуалы, необходимые, чтобы «остаться людьми».

В восемнадцатой главе внимание автора переносится на другого коренного обитателя этих мест – волчицу («А с хозяином этих земель волки почти всегда жили в ладу»). Как и Мать, она теряет свою семью во время бомбежки. Как и она, она плачет и воет, жалуясь на судьбу Верховному. Но смысл эпизода не в параллельности образов, а во *встрече* равно несчастных человека и зверя. Волк ищет человека не как добычу, а как своего убийцу, чтобы облегчить боль. Человек понимает эту боль, и не наказывает волка, не сдерживает его как в благополучные времена, а делится с ним последней пищей, потому что осознает свою ответственность за миропорядок и за его нарушение. «Но женщина странно себя повела. Она не прикоснулась ни к ножу, ни к топору. Вместо этого она заговорила с непрошеной гостьей и затем поделилась едой, которую положила на дорогу. Увидев это, Волчица-мать заплакала. Она ничего не могла понять. Что, все в этом мире перевернулось?..» За эти действия Матери приходится объясняться с собакой: волчице еще хуже. Хант объединяется с дикой природой перед общим врагом. И волчица, и Мать мыслят одинаково – просматривают «картинки» прошедшего и возможного будущего.

В девятнадцатой главе происходит «чудо» коммуникации: поет младенец Савва. Мать беседует с сыном, волчицей и «мудрым стариком» псом Пойтеком, который в ответ отдает ей свою добычу. В двадцатой главе снова возникает сюжет, перекликающийся с сюжетом восемнадцатой главы: нарушение обычных законов сосуществования человека и животного, на этот раз человека и собаки. Мать вспоминает (свой разговор с Соснэ, матерью Пойтека), как в морозы взяла в дом щенка (Пойтека), несмотря на правило не держать собак внутри человеческого жилья. «Разговаривали, конечно, на разных языках. Женщина – на человеческом, собака – на собачьем. Но Мать Детей все слова переводила на родной язык, понимала все, что “говорила” собеседница. Да и как не понять ее, если с рождения изо дня в день кормила и поила Соснэ?». Результатом разговора становится милосердие, взаимопомощь.

Двадцать первая глава, где Мать кормит малыша своей кровью, чтобы спасти его, также содержит воспоминание, но на этот раз о договоре человека и волшебной гигантской птицы в сказке. Сказочное существо из рассказов стариков (ком-

муникация поколений) для Матери не менее реально, чем существа из плоти и крови. «Она ползла и с благодарностью вспоминала про птицу Каре, которая надоумила, как спасти малыша». Ее собеседниками становятся и богини. «И она ползла и молилась Солнышку-Матушке. Ведь Солнце было Матушкой всех земных людей. Солнце было красавицей-женщиной. Солнце было богиней. А богине можно молиться. С богиней можно поговорить». Человек не может выжить, не разговаривая, не обмениваясь энергией мысли с мирами.

В двадцать второй главе ситуация начинает выправляться: удается бежать пленнице Федосье (шестая глава уравновешена) через обманное общение. На допросе она изображает готовность отдаться полковнику. С его точки зрения: «Все это было похоже на начало разговора. На начало пути к полковнику». Однако «девушка саданула его в промежность и, накинув на себя одеяло, сиганула в окно, а там – в дежурную упряжку». Формально это случай не состоявшейся коммуникации, но с безусловно положительным результатом наказания врага и обретения свободы положительным героем.

Двадцать третья глава – воспоминание из будущего: Белый уже в Европе вспоминает об обеде с августейшей семьей в 1916 году. «Он отвечал на вопросы и в душе был рад тому, что его здесь принимали за своего. За обедом семья вела себя так, как будто не было посторонних, то есть его, прибывшего с фронта офицера, поставленного на один день дежурить при государе. Он смотрел на государя и думал, что более деликатного, доброго и умного человека вряд ли встречал в жизни». Это предсмертные воспоминания, где на выходе из забвения на его вопросы отвечает икона Божией Матери (как в чуме остяков), и где он уходит к Богу «на белом коне». Это ситуация важнейшей в жизни человека коммуникации – в момент перехода между мирами. На границе со смертью «воспоминания о будущем» – видения своей смерти после многих подвигов отмщения красным у Матери Детей в двадцать четвертой, последней главе. Она общается непосредственно с Божьей Матерью, с пулей красного в груди (в первой главе командир расстрелял икону), объясняет ей, как залечить рану, просит помощи. «Она уловила легкую поступь идущих к ней на помощь. То ли людей, то ли Божьей Матери...».

В эту структуру органично вписываются документальные приложения к роману – выписки из допросов (которые, как понятно читателю, производились под пытками), все они сделаны через обязательного переводчика, все подписаны хантами как «верные», хотя отражают видение мира НКВД. Они также нанизаны цепочкой. Логичным завершением выглядят авторские комментарии. Их поясняющая текст функция здесь уместна как нигде – автор романа создает свою ситуацию коммуникации с читателем, объясняя ему «язык» описанного мировидения, пусть это коммуникация в отстраненной манере, одноголосая. Проблеме «перевода» в романе закономерно уделено много внимания. Для детей дядя Петя, например, дядя Здравствуй, поскольку хантыйское и русское слово созвучны. Мать переводит образы великих княжон и царицы на язык орнамента – каждой соответствовал бы свой значимый, «говорящий» узор на белой шубке.

Человеку необходимо говорить с Богом, богами и богинями, животными, домашними и дикими, другими людьми, ближними и дальними, уходящих поколений и младших, идущих на смену, с миром в целом, с культурой, с природой, и обязательно – с самим собой, знать чужие языки и делать их своими, – таков посыл романа, заключенный в мотиве состоявшейся коммуникации. Но в эту структуру вторгается ее отрицание, противоположность, разрушающий элемент несостоявшейся, невозможной коммуникации с убийцами, оккупантами, бездушной техникой, людьми, не владеющими никакими языками, кроме языка приказа. Мотив повторяется в новой форме в каждом следующем за предыдущим эпизоде.

Безусловно, кумуляция в романе не фольклорная: мотив представлен как составленный бинарной оппозицией, один вариант чередуется с другим; нет нарастания самого этого действия, но есть нарастание и нагромождение в развитии

сюжета – Мать теряет одного за другим своих детей (по старшинству – от старшей к младенцу), усиливается голод и слабость, зверства красных становятся все чудовищнее. Как в сказке, героиня движется вперед и встречается с новыми существами. Цепь не прерывается – она замыкается мифотворческим сознанием, рождающим и воспроизводящим легенды, хотя Мать Детей, слившаяся в поступках с Сеной Малым, видит свою смерть как финал. Здесь присоединяется циклический сюжет – героиня возрождается для очередного круга своей жизни, побывав на пороге смерти, пройдя через смерть почти всего своего рода. Важно, что в целом сюжет построен на принципе присоединения однотипных сюжетных ситуаций (хотя в некоторых прослеживаются и элементы параллелизма), в чем отражается сознание писателя новописьменной литературы.

Нельзя сказать, что кумулятивный сюжет не актуален для современной русской литературы. «Неокумулятивный сюжет» в рамках постмодернистского мировосприятия характерен для творчества таких разных авторов как В. Сорокин и А. Иличевский [Федоров, 2011а, 2011б]. Однако Е. Айпин дает совершенно иную его вариацию: в его форме осуществляется осмысление традиционной фольклорно-эпической культурой остро современной проблемы разноязычия, непонимания, отсутствия точек соприкосновения в языковых играх человечества.

Литература

Айпин Е. Божья Матерь в кровавых снегах. Екатеринбург, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/160376/read>. Дата обращения – 1.02.2013.

Артамонова В.В., Куликова И.М. Онтология этноса в романах Е. Айпина и А. Иванова: Опыт интертекстуального прочтения // Север. регион: наука, образование, культура. Сургут, 2010. № 1. С. 97–106.

Косинцева Е.В. Женские образы в романе Е.Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» // Гуманит. вектор. Чита, 2010. № 3 (23). С. 75–79.

Косинцева Е.В., Куренкова Н.В. «Все в этом мире от Бога...»: роман Е.Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах». Ханты-Мансийск, 2010.

Куликова И.М., Артамонова В.В. История и современность в изображении этноса в региональной литературе // Вестн. Ленинград. гос. ун-та. Сер.: Филология. СПб., 2010. № 3, Т. 1. С. 25–32.

Куренкова Н.В. Картины природы в романе Е.Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» // «Сородичи, я не таю прекрасное от ваших взоров...»: Материалы науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. юбилею М.К. Вагатовой (Волдиной), 23 янв. 2007 г. Ханты-Мансийск, 2009. С. 79–82.

Лагунова О. Истинная цена воли // Мир Севера. М., 2006. № 1/2. С. 86–93.

Пропп В.Я. Кумулятивная сказка // Фольклор и действительность. М. 1998. С. 251–268.

Федоров В.В. Кумулятивный принцип сюжетостроения в неклассической поэтике: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2011а.

Федоров В.В. Кумулятивный принцип сюжетостроения в современной русской литературе // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2011б. № 3 (218). Филология. Искусствоведение. Вып. 50. С. 138–142.